

А

Н. И. Тургенев к П. Я. Чаадаеву

Памятники философской мысли

П. Я. Чаадаев. Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 2

Письма П. Я. Чаадаева и комментарии к ним. Письма разных лиц к П. Я. Чаадаеву. Архивные документы. Именной указатель к 1 и 2 томам.

М., "Наука", 1991

Новые переводы с французского Д. И. Шаховского, Л. З. Каменской, В. В. Сапова

Составление и комментарии С. Г. Блинова, Л. З. Каменской, З. А. Каменского, М. П. Лепехина, В. В. Сапова, М. И. Чемерисской

Ответственный редактор доктор философских наук З. А. Каменский

OCR Бычков М. Н.

27 марта 1820.

Подумав о вчерашнем нашем разговоре и о прочтенном из Гено эдикте касательно освобождения крестьян, мне кажется, что сей акт может служить одним из убедительных доводов в пользу нашу и доброго дела. Вы сделали при сем два замечания, весьма важные справедливостию и основательностию) своею.

1-е. Что во Франции король, освобождая крестьян и поставляя подражание сему примеру в обязанность дворянству, сделал гораздо более, нежели бы сколько сделало наше правительство, возвратив свободу помещичьим крестьянам; и сие потому, что во Франции крестьяне были закрепощены или порабощены дворянством, у нас же самим правительством. Таким образом французское правительство уничтожало сделанное сильным дворянством; у нас же правительство просвещенное и справедливое уничтожило бы постановление правительства же, и притом правительства слабого и даже незаконного. Какая разница! Какая истина! Если бы правительство в каком-либо случае имело полное право отменять сделанное прежним правительством, то, конечно, право сие нигде не может быть употреблено с такою пользою и справедливостию, как при уничтожении ненавистного узаконения Шуйского, оковавшего несколько миллионов людей с их потомством цепями самого несправедливого и бесполезного рабства.

2-е. Что эдикт Лудовика Толстого не произвел тех беспорядков, той суматохи, тех беспокойств, которых опасаются у нас невежды и эгоисты; между тем во Франции скорее можно было бы ожидать и сих беспокойств и сих беспорядков, нежели у нас, <...> потому, что дворянство французское пользовалось в то время, в отношении к правительству, большею важностию, нежели наше когда-либо.

Единственная мысль одушевляет меня, единую цель предполагаю себе в жизни, одна надежда еще не умерла в моем сердце: освобождение крестьян. По сему вы можете судить, могу ли я быть равнодушным к каждому умному слову, к каждой справедливой идее, до сего предмета относящимся. Вчерашний разговор утвердил еще более во мне то мнение, что вы много можете споспешествовать распространению здравых идей об освобождении крестьян. Сделайте, почтеннейший, из сего святого дела главный предмет ваших занятий. Вспомните, что ничто справедливое не умирает: зло, чтоб не погибнуть, должно, так сказать, быть осуществлено, в одной мысли оно жить не может; добро же, напротив того, живет не умирая, даже и в одной свободной идее, независимо от власти человеческой. Бесплодные занятия по службе отвлекли меня от тех занятий, которых мне не должно было бы оставлять никогда. Но предмет моих мыслей, моих желаний не переменялся: всегда гнусное рабство будет предметом моей ненависти, освобождение - целью моей жизни! Но есть и у нас люди, чувствующие все несчастье, и даже всю непристойность крепостного состояния. Обратите их к первой цели всего в России! Доказав возможность освобождения, доказав первенство одного между всеми благими начинаниями, мы будем богаты. Итак, действуйте, обогащайте нас сокровищами гражданственности! Вам душевно преданный Н. Тургенев.

РА. 1872. N 6. С. 1205-1207. В примечании к первой публикации письма в *РА* сказано, что оно получено редакцией журнала от Чаадаева в 1855 г.

А